

Кэтрин
Кроуфорд

Французские дети не капризничают

Уникальный опыт
парижского воспитания

Кэтрин Кроуфорд
Французские дети не капризничают.
Уникальный опыт парижского воспитания

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6281898

Кроуфорд К. Французские дети не капризничают. Уникальный опыт парижского воспитания :

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67558-6

Оригинал: CatherineCrawford, "French Twist: An American Mom's Experiment in Parisian Parenting"

Перевод:

Татьяна О. Новикова

Аннотация

Почему никто и никогда не видел, чтобы французский ребенок закатил истерику в людном месте или чего-то требовал от родителей? Каким образом французские мамы и папы остаются спокойными и полными сил, выращая таких необыкновенных детей? И главное – что надо делать, чтобы такое счастье стало возможным и для родителей не французов? Популярный журналист и счастливая мама Кэтрин Кроуфорд нашла ответы на эти вопросы на личном опыте, которым щедро делится в своей книге – увлекательной, веселой, познавательной и весьма поучительной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кэтрин Кроуфорд Французские дети не капризничают. Уникальный опыт парижского воспитания

*Посвящается моим удивительно французским родителям, Биллу
и Дороти Кроуфорд*

*Яйцо – oeuf... шляпа – chapeau.... Похоже... у этих французов...
есть свои слова для всего!*

Стив Мартин

Catherine Crawford

French Twist: An American Mom's Experiment in Parisian Parenting

Copyright © 2013 by Catherine Crawford Printed by arrangement with Janis A. Dorraud & Associates, Inc.

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава 1

VOICI LA SITUATION, или Во что мы ввязались

Как мать двух маленьких дочерей, живущая в престижном городском квартале среди благополучных семей, я часто не могла понять, что происходило с родителями из моего окружения. Рискую показаться предательницей собственного поколения, должна сказать: не знаю, когда и как это произошло, но мне стало ясно, что, хотя мы гораздо старательнее наших предков учили, удовлетворяли и поддерживали наших детей, мы все равно полностью потеряли контроль над ними, а попутно еще и утратили и контроль над собственной жизнью. И это плохо. Насколько плохо? Просто ужасно!

Я живу в Бруклине, в районе Парк-Слоуп. Это настоящий оплот состоятельности. Но то же самое я видела на Манхэттене, в Сан-Франциско, Сиэтле, Лос-Анджелесе и Портленде, штат Орегон. Во всех этих городах я бываю регулярно. Я прекрасно представляю себе, что происходит практически в любом районе, населенном представителями среднего класса, причем не только в городах.

Что позволяет мне так говорить? Вот пара примеров. Готова побиться об заклад, что вы знаете – причем очень хорошо, верно? – родителей, которые живут в страхе перед своими малышами. Я абсолютно уверена, что тридцать с небольшим лет назад моей матери и в голову не пришло бы забирать меня из школы, предварительно запасшись множеством лакомств, чтобы избавить себя от моей истерики. И она не тратила время на размышления о том, что она – не самая лучшая мать в мире.

Но сегодня подобные мысли каждый день приходят в голову всем родителям, которых я знаю. И сама я отношусь к их числу (прости, ма!). Но я готова измениться.

Хотя знакомая поговорка «Детей должно быть видно, но не слышно» может показаться чрезмерно резкой – честно говоря, обычно мне очень нравится слышать своих детей, – боюсь, что новая тенденция видеть, слушать, обдумывать и анализировать поведение наших детей ничуть не лучше. А может быть, и хуже: новые исследования показывают, что дети, которых поощряли делиться с миром каждой своей мыслью и хвалили за это, испытывают серьезные трудности в общении с учителями, начальниками и наставниками, менее склонными к восхищению каждым усилием и шагом.

Я очень люблю своих детей, но порой понятия не имею, что они чувствуют после безобидной ссоры на игровой площадке или что думают, когда я наказываю их за совершенные проступки.

Я прочно усвоила (но пока не до конца) отношение моего отца. В годы моего детства он часто повторял: «Мне нет дела до того, что ты думаешь! Я думаю за всех нас!»

Примерно семь лет назад, когда я была абсолютным новичком в материнстве, я наблюдала за родителями, оказавшимися в таком же положении, в надежде понять секреты воспитания детей в нашу восхитительную, сложную и свободную эпоху. О, вот мать гладит своего сына, который швырнул песок в глаза младенца. Он слишком напряжен? Именно поэтому он так поступил? Надо запомнить: ребенок должен быть расслаблен.

В моем квартале я не раз видела, как родители «обсуждают» поведение с детьми. Я постоянно слышала, как матери уговаривают детей поделиться с ними своими чувствами – например, в ресторанах.

– Почему ты хочешь залезть на стол, Лайам?

– Коко, пожалуйста, объясни мне свое недовольство зеленой фасолью.

Родители считают, что к детям нужно относиться как к взрослым и уважать все их пристрастия и неприятия.

У меня было двенадцать братьев и сестер, и никто в семье не признавал наличия у меня каких-то пристрастий или неприятий. А слово «уважение» в нашем доме подразумевало лишь отношение младших обитателей дома к обитателям более старшим.

Неудивительно, что такое внимание к потребностям ребенка казалось мне очень приятным и важным. В конце концов, дети тоже люди! Часто люди абсолютно невыносимые, но все же люди! На практике же подобный подход оказался весьма и весьма неудобным.

Ни Люси, ни ее муж не обращали никакого внимания на рев в соседней комнате. Люси наклонилась ко мне, положила свою сильную руку на мое плечо и сказала: «Если крови нет, то и вмешиваться не стоит!»

Помню, как моя старшая дочь Уна, которой в тот момент было всего два года, заявила мне, что «мои слова причиняют ей боль». Какое же преступление я совершила? Просто попросила девочку, чтобы она принесла мне свои туфли. Помню, что, к своему ужасу, я подумала: «Я покажу тебе, что такое боль!» К счастью, в тот момент я просто рассмеялась и вышла из комнаты, оставив дочку в состоянии истерики. Но уже тогда у меня зародились сомнения в правильности новых отношений между родителями и детьми. В конце концов, до семи-восьми лет (если вам повезет) дети по природе своей иррациональны.

Мои подозрения реализовались как-то вечером, когда к нам на ужин пришла моя французская подруга Люси со своим мужем и двумя детьми. Дети Дюранов вели себя просто идеально. Они подчинялись родителям, вели себя уважительно. Когда их просили, они замолкали. Им не нужны были длинные объяснения и уговоры, когда речь зашла о том, что пора садиться за стол. Они просто делали то, что им говорили. Если за ужином они чего-то не хотели, то всего лишь не ели это блюдо. Родители не начинали наперебой предлагать им что-то другое. Мне не пришлось искать никаких сырных палочек.

После ужина взрослые остались за столом с бутылкой вина, а дети играли в гостиной. Я только позволила себе капельку расслабиться и откинуться на спинку кресла, как мне тут же пришлось вмешиваться в детскую перебранку. Сладкое спокойствие продлилось недолго.

Моя младшая дочь Дафна захотела моего внимания. И она поступила так, как поступала всегда. Она начала капризничать, кричать и звать меня из гостиной. (В свое время при малейшей провокации Дафна просто падала и начинала колотить кулачками и ногами по земле. Она делала это с такой энергией, что мы прозвали ее маленькой скандалисткой.)

К этому времени я уже около четырех часов наблюдала, как идеально функционирует семейная машина Дюранов, и прониклась их мудростью.

Поэтому вместо того, чтобы поступить так, как я делала это обычно, то есть немедленно отреагировать на громкие призывы дочери, я обратилась за советом к Люси. Должна заметить, что ни Люси, ни ее муж не обращали никакого внимания на рев в соседней комнате. Может быть, дело в вине? *Mais non! Ну уж нет!*

Люси наклонилась ко мне, положила свою сильную руку на мое плечо и сказала то, что часто твердила ее мать-парижанка: «Если крови нет, то и вмешиваться не стоит!»

Так просто – и так великолепно. Ну конечно же!

Именно так они и поступают. Нет крови – нет суеты! Родительство – это настоящий баскетбольный – или скорее футбольный – матч!

Я не стала подниматься с кресла. Крики в соседней комнате немного усилились. Дафна была в ярости оттого, что я не обращаю на нее внимания. А потом вопли закончились так же неожиданно, как начались. Дафна продолжила играть с другими детьми.

После этого случая я стала пристально наблюдать за моей подругой, чтобы понять, как она управляется со своими детьми.

Какое-то время я думала, что меня просто очаровывают малыши, которые свободно говорят по-французски. Может быть, на своем идеальном французском они твердят матери, чтобы та наелась дерьма и умерла. Но я знала, что это не так. Маленькие Дюраны не закатывали глаза, не хлопали дверьми, не устраивали истерик, не бились о стены, полы и потолки, не кидались едой, ничего не выпрашивали – словом, вели себя идеально. Они не проявляли никакого сопротивления указаниям, поступающим свыше. То есть от мамы и папы.

К сожалению, мой французский был далек от совершенства, и я упускала многое из того кладезя родительской мудрости, который открылся бы мне, если бы я точно поняла, что Люси говорит своим детям. И все же я была убеждена, что она их *не уговаривает и не подкупает*. Позже я устроила Люси настоящий допрос – допрос вежливый и мягкий, но слегка на взводе из-за хронического материнского недосыпа. И Люси подтвердила мне, что это действительно так.

Вскоре, когда в моем собственном доме разразился очередной скандал, я задумалась: «А как поступила бы Люси Дюран?» Проглотив собственную гордость (и все, что не доели мои дети), я задумалась еще сильнее и начала задавать Люси конкретные вопросы.

Например, когда Дафна разрисовала весь наш довольно длинный коридор мелками (о боже!), мы с мужем не знали, как реагировать. В большинстве книг по воспитанию, которые имелись в нашем доме, строго-настрого запрещалось привлекать внимание к конкретному инциденту. Теория заключалась в том, что, когда родители придают слишком много значения определенному поступку, ребенок это запоминает и начинает повторять недопустимое действие, чтобы привлечь к себе внимание. Мы боялись, что в следующий раз Дафна разрисует всю нашу квартиру!

Я спросила у Люси, что они у себя во Франции делают, сталкиваясь с подобным поведением малышей. И она мгновенно ответила: «Пойди на кухню, возьми губку и тазик с мыльной водой. Посади Дафну на стул и заставь все отмыть».

Мы не знали, как с ней поступить. Запереть в комнате? Строго предупредить? Дафне было всего три года, поэтому она могла и не обратить внимания на лишение привилегий или игрушек.

Я спросила у Люси, что они у себя во Франции делают, сталкиваясь с подобным поведением малышей. И она мгновенно ответила: «Пойди на кухню, возьми губку и тазик с мыльной водой. Посади Дафну на стул и заставь все отмыть». Я не поверила собственным ушам. Все отмыть?! Мой муж попытался это сделать, но смог стереть всего лишь один рисунок. Но Люси объяснила, что Дафне достаточно будет мыть стену минуту или две. Просто девочка должна понять последствия своих поступков – и увидеть, как чертовски тяжело смывать мел со стены.

Все было так очевидно. Но в гипервнимательной родительской среде, проникнутой стремлением все сделать правильно, в которой я варилась, не было ничего очевидного. Со своей стороны Люси была польщена тем, что я прошу у нее совета, и всегда с радостью мне помогала. Но ее удивляло мое незнание. Конечно, она была опытной матерью – но не специалистом по родительству. По ее мнению, в таком подходе к воспитанию детей не было ничего необычного или нового. На ее родине все поступали именно так. Люси часто предлагала стратегию или фразу, которые быстро разрешали любые конфликты между мной и детьми. Но чаще всего она была сторонником недопущения любых конфликтов. «В конце концов, Кэтрин, – говорила она, – *ты в семье главная!*»

Главная – какое сладкое слово, правда?

Для меня Люси стала неисчерпаемой сокровищницей полезных советов, но она недвусмысленно дала мне понять, что такой метод воспитания для всех французов абсолютно

естественен. В Штатах мы постоянно говорим, говорим, говорим о чувствах наших детей. *А французские дети ни о чем подобном и не задумываются!*

И в этот момент на меня снизошло прозрение: я могу стать главной в своей семье, могу сделать мужа своим ординарцем, и вместе мы можем перехватить у наших дочерей контроль над нашим домом, игровой площадкой, супермаркетом – и над самой нашей жизнью! Мы можем вернуть нашу жизнь, какой она была до появления детей, – ну хотя бы в некоторой степени. Начнется улучшенный вариант нашей прошлой жизни. Потому что, если перефразировать великолепного комика Луи С. К., я люблю своих детей больше всего на свете, но порой мне хочется, чтобы они никогда не рождались.

Родители готовы из кожи вон вылезти, лишь бы у детей не возникло и тени раздражения и сомнения. Но при этом страдают сами родители! Измученные, обозленные родители не могут дать детям ничего хорошего.

Я точно знаю, что большинство родителей, если, конечно, они будут абсолютно честны, скажут то же самое. Все, и французы в том числе, очень хотят как можно больше времени проводить с детьми и сделать все (в разумных пределах), чтобы их жизнь была счастливой и успешной. Но, боже мой, как же порой хочется, чтобы тебя оставили в покое хотя бы на пять минут – или на пять дней!

Нам жизненно необходимо это время. Парадокс, который я заметила на игровых площадках американских городов, заключается в том, что мы готовы из кожи вон вылезти, лишь бы у наших детей не возникло и тени раздражения и сомнения. Но при этом страдают сами родители! Измученные, обозленные родители не могут дать детям ничего хорошего. Я точно чувствовала, что сама попала в этот мерзкий круг: я делала все, что было в моих силах, чтобы удовлетворить своих детей, а потом обижалась на них, потому что они делали мою жизнь невыносимо тяжелой. Вот почему, в конце концов, я решила с помощью множества мудрых французских родителей разобраться с этой проблемой.

И я решила устроить своей семье небольшое приключение.

И я не стала спрашивать у Уны и Дафны, что они думают по этому поводу. Сегодня я хочу сказать двум моим милым, чудесным, интересным девочкам, которые когда-нибудь прочтут эту книгу: простите меня. Жалею ли я о том, что попыталась сделать жизнь всех нас проще, легче, приятнее и глубже? Вовсе нет. Но я жалею, что не дала вам права голоса в принятии этого судьбоносного и амбициозного плана. (На самом деле, когда я приступила к осуществлению задуманного, девочки не раз стонали: «Ну мааааамочка! Мы же не французы!!!») Простите за то, что я сделала вас главным героями книги, одобрить которую у вас возможности не было. К счастью, вы обе – отличные девочки, так что, думаю, стесняться вам будет нечего!

Ну что ж, решение принято. Теперь дело было за главным!

Как и большинство детей, наши девочки были еще очень маленькими, когда у них начал формироваться характер. Они были еще младенцами, когда мой муж Мак, говоря о них друзьям и родственникам, начал описывать их одним словом. Уна стала у него Эдит Уортон, а Дафна – Джоном Белуши. И он был совершенно прав.

Уна всегда относилась к жизни несколько созерцательно – она наблюдала, чувствовала, думала. Для ребенка она была даже слишком наблюдательна. Первую свою книгу она написала в три года. В семь лет она начала вести собственный блог – делилась впечатлениями о прочитанных книгах. Уна – из тех девочек, что даже на школьной дискотеке не отлипают от учительниц. Было даже время, когда она писала сказки в постели. Типичная Эдит Уортон.

Дафна – совсем другое дело. Должна признать, что истерики она устраивала не слишком часто, но уж если устраивала, то делала это со всей ответственностью. Этот ребенок не признавал медлительности. Даже ложась в постель, она была полна энергии – много лет

она не могла заснуть часами и просыпалась посреди скомканных простыней и одеял. В семь утра. Или раньше. Во сколько бы ни легла. Наверное, она – чудо природы. Дафна может уснуть в полночь и подняться в 6.30 полностью готовой к сражению подушками или хотя бы к энергичной возне с любимым папочкой. Она бодрa, полна сил и громогласна – и всегда была такой. Она сумеет побороться за себя в этой жизни. Она – Белуши. Кстати, в борьбе с отцом она всегда побеждает, потому что муж мой больше похож на Эдит Уортон, чем на Белуши. Мак любит поваляться в постели – он может выпить двойной эспрессо после ужина, а потом заснуть, как младенец (конечно, если младенец – это не Дафна).

Откуда же Дафна все это взяла? Ну, если Уна похожа на папу, то... да, каюсь, Дафна похожа на меня. В детстве мне приходилось постоянно драться с девятью – девятью! – братьями, которые относились ко мне, мягко говоря, довольно жестко. Достаточно вспомнить, что они «ласково» прозвали меня «Кошачьей Мочой»! На детских фотографиях у меня на лице постоянно царапины. Став постарше, я всегда отдавала предпочтение роликовым конькам, а не кроссовкам.

Но быть Белуши – это не просто жить на одной, пусть даже самой высокой, скорости. Дафна – очень веселый человек. Она может стать гением комедии. С самого раннего возраста она смешила нас до слез своими проделками – ну откуда двухлетней малышке знать о комических приемах Чарли Чаплина?

Юмор Уны, как и следует из ее прозвища, более тонкий и интеллектуальный, чем у Дафны. Недавно она стала придумывать «шутки дня». Вот пример: «Зачем слониха покрасила ногти красным лаком? Чтобы ее не нашли, когда она будет прятаться на вишневом дереве!»

Когда девочки стали старше, различия между Уортон и Белуши немного стерлись, но все же остались заметными. А для родителей каждый тип характера связан с определенными, очень конкретными проблемами.

Дети типа Эдит Уортон умнее родителей (и хотя это действительно так, но все же лишь до определенной степени), поэтому демонстративное закатывание глаз проявляется у них в поразительно раннем возрасте. Острая наблюдательность позволяет таким детям замечать все нежелательное – в нашем мире живет немало курильщиков и тех, кто мусорит на улицах. Им хочется исправить или хотя бы привлечь внимание к подобному поведению. Такому ребенку приходится периодически напоминать, что взрослых нужно по возможности уважать и что взрослые не любят выслушивать нравоучения от малышей, которые и до пояса им не достают.

Дети типа Джона Белуши склонны мгновенно и гипертрофированно демонстрировать миру свои несчастья. В доме они кричат в полную силу – причем под домом может подразумеваться и торговый центр, и огромный стадион. У них сложные отношения с правдой. Отчасти это объясняется тем, что они всегда стремятся понять, что можно выторговать или уволочь. Нет, я говорю не о воровстве в прямом смысле слова, но родителям остается лишь удивляться тому, куда делся оставшийся кусок торта.

Итак: Уна и Дафна, Уортон и Белуши, спасибо вам за то, что вы – самые любимые мои дети в этом мире, и за то, что вы помогли мне сделать нашу жизнь по-настоящему французской. Вместе с Максом вы стали тремя лучшими моими партнерами по этому очень важному проекту, в ходе которого я проверила, *можно ли внедрить французские приемы воспитания в собственную жизнь и в свой дом.*

Даже самая маленькая из нас – Дафна – отдалась этой задаче с поразительной готовностью, хотя и не с самым большим энтузиазмом. Как-то утром она проснулась – как всегда, в семь часов – и заявила: «Интересно, а как французов рвет?»

Мы всей семьей искренне заинтересовались тем, как живут французы. Конечно, я не считаю, что все французские дети – идеально себя ведущие, утонченные художники, а все

дети американские – материалисты и циники. Я хочу лишь сказать, что нам, янки, нужно пересмотреть свой подход к воспитанию детей, а те французские матери, которых я знаю, показывают великолепный пример, как мы можем улучшить собственную жизнь – и жизнь наших детей.

Интересно, что, когда я начала строить нашу жизнь по французскому образцу, удивила меня реакция не только Уны и Дафны, но и других родителей, оказавшихся в такой же ситуации. В «Зале славы натянутых нервов» должно быть специальное отделение для родителей. Однако я везде сталкивалась с самым серьезным сопротивлением моим идеям и начинаниям – от собственной семьи до соседок по скамейкам на игровых площадках.

Матери не любят ошибаться или сомневаться. Вспоминая стиль воспитания собственной мамы, я понимаю, что это неудивительно. Когда речь заходит от чувств к своим детям, люди становятся невероятно ранимыми. И это справедливо. Мы до безумия любим этих маленьких чудовищ. Поверьте мне, я вовсе не собираюсь нападать на американских родителей. Мне просто хочется чуть-чуть облегчить свою жизнь и отказаться от ряда вредных привычек, которые стали для нас слишком обыденными. Ведь когда Дафна говорит: «Если дашь мне конфетку, я перестану кричать», я всерьез рассматриваю ее предложение.

Поэтому, чтобы никого не обидеть и не нарушить родственные связи, я решила дать всем другие имена и изменить обстоятельства. Единственные реальные имена в этой книге – это Уна, Дафна и Мак. Я чувствую, что эта книга может разрушить мои отношения с рядом друзей – хотя и надеюсь, что ошибаюсь, потому что искренне люблю и восхищаюсь всеми моими друзьями, имеющими детей. А если я назову их реальными именами, то наши отношения рухнут навсегда. В книге я часто прибегаю к обобщениям – для краткости. Но я знаю, что в каждой стране есть свои особенности.

Мне просто хочется чуть-чуть облегчить свою жизнь и отказаться от ряда вредных привычек, которые стали для нас слишком обыденными. Ведь когда Дафна говорит: «Если дашь мне конфетку, я перестану кричать», я всерьез рассматриваю ее предложение.

А теперь давайте вернемся на нашу гигантскую площадку американского родительства – в Парк-Слоуп, Бруклин. Как выяснилось, именно эта часть города оказалась идеальной средой для реализации моего замысла. Здесь живет очень много французов. Французы и их прекрасно воспитанные дети встречались мне повсеместно, и я могла их изучать, задавать им вопросы и подражать им. И это было замечательно, потому что время – вещь драгоценная, а взрослеют наши дети невероятно быстро.

Так зачем же загружать их драгоценное время множеством разных занятий?

В моем детстве маленькие дети редко чем-то занимались, кроме «большой тройки»: плавание, танцы и фортепиано. Плавали раньше не ради медалей, а просто для того, чтобы научиться держаться на воде. Танцами занимались исключительно девочки, а фортепиано, помимо всего прочего, учило дисциплине. Школьники иногда переключались на скрипку или начинали играть в футбол. Настоящей экзотикой было карате.

А сегодня невозможно кинуть камень (разумеется, я вас к этому не призываю!), чтобы не попасть в ребенка, который уже занимается йогой, и рикошетом не задеть малыша, успешно общающегося на языке жестов, хотя еще и не умеющего по-человечески говорить. А подберет ваш камень пятилетний пациент психоаналитика, которого сопровождает учитель китайского языка.

Спросите, что думают родители этих смертельно занятых созданий о современном воспитании, и на вас вывалит целую грудку теорий и предложений. Все родители и во все времена любят своих детей, но сегодня мы располагаем колоссальными возможностями. Поэтому мы пытаемся обучить детей *всему* еще в момент формирования отпечатков пальцев.

При нечеловеческом обилии исследований и педагогических теорий понять, что лучше для наших детей, очень сложно. В одной уважаемой книге говорится, что для воспитания в ребенке чувства независимости его нужно держать *при родителях* (обычно матери) ровно столько, сколько пожелает его маленькое сердечко. В большой мир ребенка можно выпускать лишь тогда, когда он почувствует себя полностью готовым и уверенным в себе. Другой видный современный теоретик настаивает на том, что, если детей не учить играть, ухаживать за собой и самостоятельно ложиться спать, они никогда не смогут справиться с трудностями современного мира. Обе точки зрения обоснованы настолько убедительно, что способны поставить в тупик любого молодого родителя.

Меня окружают родители, которые буквально на задних лапках ходят перед собственными детьми. Очень неприятно наблюдать за этим, а замечать то же самое в себе – мучительно.

В Америке мы привыкли к бесконечному выбору. Каждый день в нашей стране появляется огромное множество новых идей и мнений. Неудивительно, что мы меняем теории воспитания с той же скоростью, что и подгузники у новорожденного.

Однако я обнаружила, что применение новой теории после полного провала предыдущей приводит к абсолютной катастрофе. Меня окружают родители, которые буквально на задних лапках ходят перед собственными детьми. Очень неприятно наблюдать за этим, а замечать то же самое в себе мучительно. Такое происходит не только в моем доме и в престижных городских районах типа нашего. Родительство переживает нелегкие времена во всей стране. Свидетельства эпидемии смятения и совершенно неправильного поведения мы видим в торговых центрах, аэропортах и на автозаправках каждого штата нашей великой страны. А что творится в ресторанах!!!

Как только у меня появились дети, я начала бороться с этой сложнейшей проблемой. Мне страстно хотелось, чтобы кто-нибудь (кроме моей матери, спасибо ей большое!) рассказал, какие приемы воспитания *действительно работают*. Мои родители – религиозные католики, и их воспитательные приемы (как, например, готовность иметь тринадцать детей) всегда диктовались их верой. А это означает, что советы мамы не всегда устраивали меня, поскольку в плане религиозности я ей заметно уступаю.

Я читала множество книг, беседовала со специалистами, рыскала по Сети в попытках найти наилучший и самый эффективный метод воспитания, основанный на любви и повышении самооценки ребенка. Вы можете подумать, что я неизбежно должна была добиться успеха. Но результаты моих поисков оказались на удивление противоречивыми.

Одним из таких результатов стало то, что первые четыре года жизни Дафна *каждый* вечер пробиралась в нашу постель. Еще одно последствие: хотя мои дети ели довольно неплохо (в сравнении с множеством их подружек, которые питались исключительно чем-то белым – лапшой, сыром и макаронами), обеды редко напоминали организованные семейные трапезы моей юности. Мне приходилось постоянно их упрашивать и уговаривать абсолютно во *всем*, что меня страшно утомляло.

Мне пора учить французский.

Я уже познакомила вас с тремя главными героями моей книги, но в ней есть и другие персонажи. Как уже говорилось раньше, французских семейств, за которыми я могла бы наблюдать, в Бруклине предостаточно. Французские дети ходят в школу, где учатся мои дочери. Я вижу их в ресторанах, бутиках и кафе.

Кроме того, существует настоящая Франция. *Que peut-on faire? Что можно сделать?* Мне нужно было провести какое-то время на родине идеально воспитанных детей. Просто необходимо! Не уверена, что я должна делать покупки в Париже, но съездить туда надо!

К счастью для меня, французы – люди воодушевленные. Я еще не встречала француженки, которая не была бы готова бесконечно рассказывать о своих врожденных способностях к воспитанию детей. Единственное исключение составили три матери франко-английского происхождения, с которыми я познакомилась в библиотеке на Манхэттене. Но, по моему, во всем виновата оказалась владеющая французским американская мать, которая настроила этих женщин против меня своим скептицизмом. И, конечно, у меня был собственный круг французских друзей, всегда готовых направить меня по верному пути.

Однако, хотя большинство французов обладает довольно здоровой гордостью, я обнаружила, что они – весьма скрытные люди, не любящие говорить о своей личной жизни. Поэтому всех своих французских друзей в этой книге я назвала другими именами.

Как вы увидите, у меня сложилась надежная французская армия, которая помогла мне сориентироваться в прекрасном новом родительском мире. Но я вовсе не хочу сказать, что полностью согласна с ними во всем, и не считаю, что мы должны в точности их копировать. Во многом правы и мы, американцы. И я не призываю вас выплескивать вместе с водой ребенка, сколь бы плохо он себя ни вел.

Например, хотя несколько лет назад французский парламент обсуждал вопрос о запрете физических наказаний, – *la fessée*¹, как это называется, по-прежнему широко распространена во Франции. Она все еще законна. Во Франции я за неделю увидела столько случаев физических наказаний, сколько в Бруклине не видела за последние десять лет.

Но кроме порки, мне нравилось во французах все – и это неудивительно. Мама передала мне долю гугенотской крови – и вместе с ней любовь ко всему французскому. По-видимому, мама унаследовала уважение к французским обычаям от своей бабушки, Розы Шабо. (Постойте! Это же ее настоящее имя! Новое правило: людей умерших в этой книге мы будем называть их собственными именами. Французы любят правила.)

Когда я была маленькой, мои родители часто говорили о том, как хороши французские обычаи, и подталкивали к тому, чтобы их копировать. Один из моих братьев родился инвалидом. Родители поехали с ним в Лурд (город во Французских Пиренеях). Из всех святынь мира в надежде на чудо они выбрали именно французский город.

Я росла с убеждением, что французы знают, как поступать правильно. Уверена, что уважение ко всему французскому я впитала с молоком матери, и с годами оно стало только сильнее – даже переросло в нечто сродни фетишизму. Впрочем, я предпочитаю называть это чувство здоровой дозой «*франкофилии*». Звучит гораздо лучше и не напоминает о порках в тюремных камерах и высоких ботфортах со шпорами.

Впервые я побывала в Париже, когда мне было шестнадцать лет, и сразу же полюбила этот город и страну. Город. Был. Настолько. Прекрасен! Даже сегодня в моем доме не меньше восьми копий Эйфелевой башни.

Когда мы с моим мужем собирались пожениться и впервые отмечали вместе Хэллоуин (а это было шестнадцать лет назад), он оделся Тинтином². Хотя этого персонажа создал бельгийский писатель и иллюстратор, Тинтин получился настоящим французом. (Недавно Уна обнаружила рассказы о Тинтине в нашей кладовке и, конечно же, увлеклась самыми «противоречивыми» из них. *Интересно, а как французские родители отвечают на вопросы своих шестилетних детей: «А что такое опиум?»* Вот уж спасибо, Тинтин!)

В подарок нашему первому ребенку мы получили два экземпляра книги «*Красный шар*» на французском языке, один на английском, а потом еще коллекцию DVD с этим фильмом. В моем доме есть коллекционные тарелки с оригинальными меню французских ресторанов и кафе 1920-х годов, где цены указаны во франках.

¹ Порка. – Здесь и далее: прим. ред.

² Персонаж популярнейших европейских комиксов.

Моя «франкофилия» еще больше усилилась, когда я начала консультироваться с французами по вопросам воспитания детей. В самом начале этот поиск приобрел странные формы. Я стала воспринимать даже самый повседневный жизненный опыт в чисто французском свете.

Прошлым летом мы с Маком и девочками провели неделю на побережье Джерси. Это было еще до моего увлечения французским воспитанием, поэтому мы спокойно относились к тому, что дети предпочитали купаться в хлорированном, переполненном людьми гостиничном бассейне, чем в океане, расположенном всего в паре сотен футов от бассейна. Но уже тогда я задумывалась о французском воспитании.

Мы сидели на бортике бассейна, болтали ногами в невероятно теплой воде. И тут Дафна закричала: «Посмотри на меня, мамочка! Я – акула!!!» И тут же подхватила Уна: «Посмотри, как я катаюсь на горке, папочка!»

Снова и снова. А потом еще раз. Да-да, и еще раз.

А как-то днем я стала свидетельницей игры более старших детей – уже подростков. Их игра представлялась мне следующим образом: один из участников оставался у одной стенки бассейна, а все остальные собирались у противоположной.

Одиноким пловец или ловец давал группе тему – например, любимый фильм или любимая еда. Затем группа вырабатывала коллективный ответ и предлагала пловцу угадать его. Если пловец-ловец угадывал правильно – «Эйс Вентура!» – то вся группа бросалась к противоположной стенке, а пловец-ловец должен был поймать как можно больше своих противников.

Я рассеянно наблюдала за этой игрой, параллельно не выпуская из поля зрения своих дочерей, и тут мне стало особенно интересно. Темой была любимая еда.

Ловец: «Курица!» Никакой реакции. Ловец: «Куриная лазанья!» Никакой реакции. Ловец: «Курица с лингуини!»³ В бассейне случилось настоящее цунами – настолько энергично бросились плыть подростки.

Курица с лингуини? И это их любимая еда? И ловец это знал? Может быть, это какая-то региональная аномалия – но мне почему-то так не казалось. Скорее всего, небольшая группа подростков просто решила порезвиться, отреагировав на простое упоминание курицы с лингуини.

Сидя на бортике бассейна мотеля в Нью-Джерси, я перенеслась мыслями на другой берег Атлантики. Возможно, в тот же самый момент на западном побережье Франции в ту же игру играют французские подростки. Только вместо курицы с макаронами они называют нечто другое: «Утка! Утиная грудка! Утиная грудка в апельсиновом соусе!» Помню, что в тот момент подумала, что детям в таком возрасте уже пора бы привыкать к более изысканным блюдам и интересным рецептам. Конечно, французы не говорят «утка». Мне предстояло еще очень многое узнать.

Я так никогда и не узнала, в какие игры в бассейнах играют французские дети, но открыла для себя очень много интересного.

Американские матери привыкли к быстрой смене воспитательных трендов. Французский же подход к воспитанию почти не изменился за долгие годы, хотя нам это кажется невероятным. Порой это пугает (вспомните хотя бы порку), но чаще всего это приносит невыразимое облегчение. Американские матери и отцы пугаются полок местных книжных магазинов, заполненных книгами по воспитанию детей. Даже простейший вопрос – как уложить ребенка спать – приводит к ожесточенным боям между сторонниками разных, совершенно противоположных подходов. Сделай неправильный выбор, и ты обречешь своего

³ Длинная, плоская и узкая итальянская лапша, что-то наподобие приплюснутых спагетти.

ребенка на жизнь, полную несчастий и неудач. А – *mon Dieu!* – образования уровня «лиги Плюща» ему вообще не видать!

Даже простейший вопрос – как уложить ребенка спать – приводит к ожесточенным боям между сторонниками разных, совершенно противоположных подходов. Сделай неправильный выбор, и ты обречешь своего ребенка на жизнь, полную несчастий и неудач.

Есть ли в этом что-нибудь хорошее? От нас требуется принять невероятно ответственные, жизненно важные решения в состоянии полной депривации сна, знакомом разве что подозреваемым в терроризме. Удивительно, как родители вообще ухитряются остаться в живых – не говоря уже о детях.

Поэтому, как вы можете представить, я буквально облилась слезами невыразимой радости, когда после пяти лет материнства начала понимать, что есть и другой способ воспитания. Французский.

Гарантирует ли успех каждая идея, предложенная мне моими французскими информаторами? Конечно, нет. Смогла ли я использовать все полученные мной добрые советы? Вы сами родитель – или знаете кого-то из родителей. Сами знаете!

Но одно неоспоримо. После удивительно короткого времени *франконизации* истерики Дафны резко сократились (впрочем, она осталась Белуши – характер не изменишь!). Я заметила, что и Уна тоже стала гораздо реже высокомерно закатывать глаза.

Когда я пишу эти строки, за моими плечами уже много месяцев этого исторического эксперимента, и теперь девочки стали гораздо терпимее относиться ко всему французскому. Мы говорили о том, чтобы провести следующее лето в Париже, – и обе девочки с восторгом принялись обсуждать восхитительные французские сладости.

Не так давно Уна обнаружила в нашем книжном шкафу франко-английский словарь и начала с неподдельным интересом его изучать. Вскоре мы с мужем услышали ее хихиканье над маленькой книжкой. Мы удивились: что же такого смешного можно найти в словаре. Уна замялась, не зная, следует ли ей делиться своей находкой. Она боялась, что мы сочтем подобное выражение неподобающим для семилетней девочки. Мы успокоили ее, но все же хотели узнать, что ее насмешило.

– Ну ладно, – в конце концов вздохнула она. – *C'est une garce*. Перевод «Он/она шлюха».

Уна и Дафна расхохотались и даже сплясали что-то веселенькое. Французский сделал то, что совсем недавно казалось немыслимым: этот язык объединил Уортон и Белуши.

На какие чудеса он еще способен? Я твердо вознамерилась узнать.

Глава 2

UN DEBUT FRANÇAIS, или Французский с самого начала

Господи, как мне нравится этот город!

Такое чувство охватывает меня каждый раз, когда я оказываюсь в Париже. Но мое сердце чуть не выскочило из груди, когда моя беременная французская подруга, с которой мы обедали на Монмартре, заявила, что не собирается заказывать салат. Держа в руке бокал красного вина, «потому что железо полезно для ребенка», она сказала: «Мы во Франции стараемся ограничивать потребление сырых овощей, особенно зелени».

Если я когда-нибудь забеременею (пожалуй, это будет не скоро), то буду жить как француженка. Я люблю овощи, может быть, даже больше, чем другие люди. Но во время беременности я ненавидела овощи со страстью, которая обычно бывает обращена на нечто вроде прыщей или плохой стрижки. Во время обеих беременностей меня постоянно тошнило, и мне не хотелось ничего, кроме картофельного пюре и овсянки. Но я судорожно записывала в себя огромные количества салата – айсберга, романа и пекинской капусты. Все для ребенка! Если бы кто-нибудь сказал, что ребенку будут полезны козьи глаза, то я, наверное, перешла бы и на столь экзотическую диету. Чего не сделаешь во имя детей!

Во время обеих беременностей меня постоянно тошнило, и мне не хотелось ничего, кроме картофельного пюре и овсянки. Но я судорожно записывала в себя огромные количества салата. Все для ребенка! Если бы кто-нибудь сказал, что ребенку полезны козьи глаза, то я, наверное, перешла бы и на столь экзотическую диету. Чего не сделаешь во имя детей!

Когда я оглядываюсь назад, мне становится стыдно за то, что потребовалось столько времени, чтобы я обратила внимание на французские методы воспитания. Я должна была понять все еще в тот момент, когда начала читать книгу доктора Мишеля Коэна (француза, конечно) «Новые основы». После чтения множества книг на тему «что ожидать», способных вывести из равновесия любую будущую мать, и успокаивающих, сентиментальных творений писателей-педиатров я была готова к прямому, гораздо более честному отношению доброго доктора.

Я была на восьмом месяце беременности, ждала первого ребенка. И тут подруга (кстати, у нее самой детей в тот момент не было, как я теперь вспоминаю) случайно прислала мне книгу Коэна, посвященную первым годам воспитания ребенка. Я прочла ее запоем. А закончив, поступила точно так же, как любая другая американская мать: я прочла еще восемь книг на ту же тему. Потому что именно так мы и делаем: мы относимся к беременности, как к работе, и стремимся изучить все, что только можно, чтобы стать настоящим специалистом в любой теории.

Как и в любой другой работе, в беременности было много нудной рутины. Я выяснила, что, кроме овладения всеми теориями, подобный подход к родительству неизбежно влечет за собой полную неразбериху в голове и тяжелую подавленность.

Во вступлении к «Новым основам» Коэн пишет: «Надеюсь, чтение этой книги поможет вам как молодому родителю полностью расслабиться». Эта книга попала мне в руки всего за месяц до рождения первой дочери, но потребовалось почти семь лет, чтобы я по-настоящему обратила на нее внимание. Расслабиться! Какая простая идея! Но я совершенно забывала о ней, когда у моего ребенка хотя бы чуть-чуть поднималась температура, расстраивался желудок или в рот ей попадала соска, не прошедшая стерилизацию.

Когда я сейчас возвращаюсь ко всей той литературе, которую я прочла в первые годы материнства, пытаюсь понять, как мое поколение американских родителей дошло до жизни такой, я понимаю многое из того, что упустила.

Добрый французский доктор на каждой странице и в каждой главе призывал нас немного расслабиться и успокоиться. Например, вот что он советовал родителям, которых волновала кривизна ног их детей: «Я не знаю ни одного младенца с прямыми ножками. У всех малышей ножки слегка искривлены, и у некоторых эта кривизна больше, чем у других. Но с возрастом ноги обязательно выпрямляются, хотя у некоторых взрослых сохраняется легкая остаточная кривизна, которая не причиняет им никакого беспокойства – а ковбоям так вообще идет на пользу».

Вот в таком тоне была написана вся книга, и, видит бог, мне это нравилось. Книга Коэна, написанная для американцев, может показаться весьма полемичной в сравнении с теми руководствами, которыми пользуется большинство французских матерей.

Отлично помню, как мне в слезах позвонила моя сестра. Она ожидала второго ребенка. Беременность близилась к концу, и сестру страшно тревожило то, как переживет появление младенца ее двухлетний сын, который неизбежно будет лишен внимания и заботы.

Я пересказала ей все, что знала о том, как помочь старшему ребенку примириться с появлением младшего: старший ребенок не должен оставаться в одиночестве после рождения малыша, гостям, которые принесут подарки новорожденному, нужно напомнить, чтобы они взяли что-нибудь и для старшего ребенка, и т. п. Моя сестра была в полном ужасе от того, какую боль она может причинить своему обожаемому старшему сыну. Она так переживала, что и меня до слез довела.

Родители не должны прощать недопустимое поведение со стороны старшего ребенка после рождения малыша. И уж конечно не должны терзаться чувством вины. Братья и сестры – это прекрасно. Старший должен – и обязательно будет – злиться.

И тогда я прочитала то, что по этому поводу пишет Коэн. Оказалось, что он не советует ничего из того, что посоветовала сестре я. Родители не должны прощать недопустимое поведение со стороны старшего ребенка после рождения малыша. И уж конечно не должны терзаться чувством вины. Братья и сестры – это прекрасно. Старший должен – и обязательно будет – злиться. Коэн абсолютно прав... и он настоящий француз.

Лично у меня момент осознания беременности совершенно не случайно стал моментом, когда я ощутила прилив почти маниакальной энергии. Уж поверьте тем, кто видел меня в то время. Я и раньше не была абсолютно спокойным человеком, но теперь у меня появилось множество новых причин для волнения. Доброжелательные граждане предостерегали меня от грозящих мне опасностей – от водопроводной воды и яиц до лака для ногтей и эмоциональных стрессов. А уж смотреть фильмы о войне не допускалось ни в коем случае! Я боялась рот открыть и сделать вдох, не посоветовавшись со специалистом.

Одна подруга напугала меня тем, что скрежет колес в метро на Манхэттене может пагубно сказаться на слухе моего бедного малыша. От природы меня трудно назвать невротиком, но справиться с приступами тоскливой тревоги мне никак не удавалось. В моих ушах постоянно звучал трагический хор: «Женщина! Мир – это не место для малышей!» Но я предпочитала более разумный голос героя Николаса Кейджа из фильма «Воспитание Аризоны»: «Иногда этот мир бывает довольно трудным для маленьких». (Конечно, этот герой – не идеал воспитателя. Он украл подгузники, а потом устроил гонку на скоростном автомобиле. Но в определенном прагматизме ему отказать нельзя. Мир не всегда труден для малышей – лишь *иногда*.)

Хотя я не могу сказать, что французы беспечно относятся к своим будущим детям, беременные француженки гораздо спокойнее будущих мамочек с другого берега Атлантики. Разговаривая с ними, я замечала полное отсутствие страдальческих возгласов «О, мой бог!», которые постоянно слышала в своем социальном кругу.

Ну хорошо, не все французские женщины относятся к беременности легко. Одна бретонка призналась мне: «Думаю, что теперь мне следует ограничить потребление мяса тартар».

Меньше мяса тартар?! Насколько я знаю, тартар – это сырое мясо. Сырое мясо! Меня тошнило от него еще за много лет до рождения детей! Когда же я забеременела, то тщательно изучила все советы по правильному питанию. В одной из книг беременным категорически запрещалось есть рис. Рис! Поскольку подобная диета должна была гарантировать мне рождение здорового ребенка, то любое отклонение от нее повергало меня в ужас и слезы. Белый рис был одним из пятерки продуктов, от которых меня не тошнило. Какой же кретинкой я была, когда отказывалась... от риса!

От моих французских подруг я узнала, что обычные французские акушеры считают ранее упомянутого мной доктора Козна паникером. Да, действительно, в наши дни даже французские руководства по беременности предостерегают будущих матерей от употребления алкоголя и курения, но советы, которые дают в своих кабинетах доктора, гораздо менее строги. Вот что рассказали мне беременные француженки, когда я стала расспрашивать их о консультациях с врачами.

Мой доктор попросил меня ограничиться одним бокалом вина за обедом и всего двумя чашками кофе в день. Ему не нравится, что я курю, но он предложил мне всего лишь сократить курение до трех сигарет в день. Я стараюсь не курить, но порой все же не выдерживаю.

Мой французский доктор говорит, что я могу есть все, что захочу, но вино все же стоит ограничить – один бокал в день.

Мой акушер очень сурово относится к спиртному без закуски. Вино – только с едой!

Снова и снова французские женщины рассказывали мне об этих «ограничениях». Может быть, это случайность, но я не встретила ни одной американки, которой врач позволил бы каждый день пить. Когда мой акушер сказал, что я могу пить три раза, я заставила его повторить. Со второго захода я поняла, что он имеет в виду три раза за всю беременность: «Один бокал шампанского в годовщину свадьбы, бокал вина в день рождения, ну и еще один на отдыхе. Это можно». Ну спасибо!

На бумаге французы не сильно отличаются от нас. В 2007 году был принят закон, чтобы на всех алкогольных напитках, продаваемых во Франции, содержалось предупреждение о том, что потребление алкоголя вредит здоровью неродившегося ребенка. На практике же все оказалось совсем по-другому. Может быть, это потому, что, как указывали многие, французы пишут это предупреждение крохотными буквами!

В любом случае, разрешение бокала вина за обедом серьезно изменило мое отношение к беременности. Как приятно было сознавать, что в конце еще одного долгого дня, который начинался с мучительного приступа тошноты, тебя ждет восхитительная награда. Кроме того, вино снимало боль в запястьях, которая возникала у меня во время обеих беременностей. Ежедневный и даже еженедельный бокал вина настолько расслаблял меня, что я пинала гораздо меньше щенков, встретившихся мне по дороге. (Для моих детей: поверьте, я в жизни не пнула ни одного щенка!)

Я не врач и не ученый, поэтому я не собираюсь приводить доводы за и против. Я всего лишь знаю, что ирландцы гораздо ближе к французам, чем к англичанам. Когда я была на

седьмом или восьмом месяце беременности, ко мне приехали подруги из Дублина. Как всегда, мои дублинские ирландские друзья позвали своих нью-йоркских ирландских друзей, и я оказалась в ирландском баре в окружении одних лишь ирландцев. Не меньше шести раз я слышала: «О, Кэтрин! Как я рада тебя видеть! Позволь, я тебя угощу!» Поскольку я сидела, то полагала, что они не видят моего состояния. Я вежливо отказывалась от предложения, указывая на свой живот. И что же? В ответ я неизменно слышала: «А-а-а! Ну тогда давай я угощу тебя пивом!»

Не уверена, что ирландский подход к беременности является правильным. И все же факт остается фактом: если вы беременны в Соединенных Штатах (даже если вы общаетесь по «Скайпу» с французским гинекологом), лучше все же воздерживаться от алкоголя. Если кто-то увидит беременную женщину с бокалом в руке, то это может плохо для нее кончиться.

Недавно я услышала слова одного американского доктора. Увидев свою беременную пациентку с небольшим бокалом вина в руке, он заявил: «Что ж, надеюсь, вы счастливы. Вы только что наградили своего младенца алкогольным синдромом. Теперь вам придется жить с этим всю жизнь!»

Я не хочу сказать, что беременность ничуть не меняет образ жизни французских женщин, но чудо, зародившееся внутри них, вовсе не становится центром их существования.

Этому американскому доктору самому следовало бы выпить. Он причинил больше вреда психике своей пациентки, чем она сама – своему ребенку. Я не говорю, что будущим матерям нужно напиваться до такого состояния, чтобы на следующее утро просыпаться в постели незнакомого мужчины на побережье Неаполя (хотя звучит это так соблазнительно...). Руководствуйтесь здравым смыслом. Постарайтесь не превратиться в зануду и ханжу – это пойдет на пользу всем.

Я даже где-то слышала, что небольшое количество красного вина (обязательно красного) благотворно влияет на развитие мозга ребенка. Не знаю, правда ли это, но услышать подобное мне было очень приятно.

Обсуждая с французскими матерями советы их врачей и книги, которые они читали во время беременности, я обнаружила существенное различие между французским и американским подходами. Мы сосредотачиваемся на разном. Желание иметь здорового ребенка совершенно понятно, но мы чрезмерно перегружены тревогой, и это угнетает.

В начале моей первой беременности мы с мужем заняли круговую оборону. Проверь водопроводную воду! Проверь краску! Убери из дома весь пластик! Принимай витамины! Воздерживайся от морепродуктов! Держись подальше от полок! И так далее и тому подобное...

Я не хочу сказать, что беременность ничуть не меняет образ жизни французских женщин, но чудо, зародившееся внутри них, вовсе не становится центром их существования.

Пожалуй, самым известным французским специалистом по материнству является мадам Лоранс Перно. Ее книги «Я жду ребенка» и «Я родила ребенка» разошлись десятками миллионов экземпляров – и это не считая переводов.

Мадам Перно – супруга Жоржа Перно, редактора «Пари Матч». Впервые она забеременела в тридцать пять лет и не смогла найти книгу, где содержались бы ответы на ее вопросы. И тогда она решила сама написать книгу о беременности и материнстве. Она оказалась не одинока. Французские матери по достоинству оценили ее труд, и книга «Я жду ребенка», которая была опубликована в 1956 году, с того времени издавалась и переиздавалась. Обе книги Перно постоянно находятся в продаже.

На протяжении лет эти книги редактировались, дополнялись и перерабатывались, но в основе своей советы мадам Перно остались неизменными. Она, как и раньше, объясняет

матерям, как оставаться красивыми, есть свежее масло и сделать соски торчащими. Главное – это определить свои приоритеты!

Издатели Перно постоянно выпускают все новые и новые варианты ее книг, и французские книжные магазины не испытывают недостатка в ее мудрости.

В Соединенных Штатах картина иная – книги Перно невозможно найти. Мне досталось издание «*Я жду ребенка*» 2002 года, и я с восхищением прочла о том, как мадам Перно советует будущим матерям быть кокетками и утверждает, что регулярные косметические процедуры жизненно необходимы для хорошего настроения.

А что насчет торчащих сосков? Лоранс Перно напоминает своим читательницам о важности этого момента. После грудного вскармливания своих дочерей я твердо убедилась в том, что федеральное правительство должно автоматически предлагать каждой женщине, которая вскормила двух и более детей, право на подтяжку сосков. Даже самые большие консерваторы должны понимать, насколько важно это для сохранения семьи – а сохранение семьи сулит государству существенную финансовую выгоду.

Если бы Перно была президентом, то у нас был бы шанс. (К сожалению, она родилась за пределами США, и следовательно, не может занять высший пост. Кроме того, в 2009 году она умерла. Светлая ей память!) Мой фантастический билль, наверное, никогда не достигнет Капитолийского холма. Мне просто страшно хочется вернуться назад во времени и услышать советы Перно тогда, когда они были жизненно необходимы. Конечно, все это мелочи, но во время беременности я была настолько сосредоточена на том, что происходило внутри моего тела, что мне и в голову не приходило задуматься над тем, что произойдет с моей внешностью.

В главе «Заботьтесь о своей груди» Перно объясняет, как нужно тренировать грудные мышцы, чтобы грудь не обвисла – или хотя бы обвисла не слишком сильно.

Я помню, что во время беременности абсолютно все напоминали мне о важности пресловутых упражнений Кегеля. (Вот что говорится на сайте urbandictionary.com: «Упражнения для мышц таза изобрел доктор Кегель, в честь которого они и названы. Эти мышцы прикреплены к тазовой кости и выполняют роль гамака – они поддерживают органы таза. Одна из функций этих мышц – запуск и остановка тока мочи. Мужчинам упражнения Кегеля помогают контролировать эякуляцию. Женщинам сильные мышцы Кегеля пригодятся при деторождении. Кроме того, они усиливают «хватку» влагалища».) Но при этом никто не советовал обратить внимание на «верхний этаж».

Мне пришлось дважды делать кесарево сечение, и мышцы Кегеля мне совершенно негодились. Мадам Перно советовала своим читательницам: «Встаньте прямо, слегка отведите плечи назад... подчеркните свою красивую грудь...» Эти полезные советы звучат очень по-матерински. Женщина выглядит более эффектно, а кроме того, подобные упражнения снимают боль в спине. Мы с мужем по достоинству оценили советы мадам Перно. Спасибо вам, Лоранс!

Мне очень понравился взгляд мадам Перно на отношения между матерью и младенцем. Вот почему молодые французские матери не испытывают такого стресса и смятения, как женщины, живущие по соседству со мной. Если я что и узнала в ходе своей «франкони-зации», так это то, что французы – большие специалисты по самосохранению, они остаются собой, несмотря на то что их драгоценные чада растут и требуют от них все больше и больше.

Но я забегаю вперед, потому что Перно не ограничилась торчащими сосками. Значительное место в своей книге она уделила необходимости «оставаться красивой». В прочитанных мной американских книгах по беременности категорически запрещалось пользоваться лаком для ногтей. Я следовала этому совету, но очень страдала, чувствуя себя неухоженной растрепой (в прямом смысле слова!). Мне до сих пор не нравятся фотографии, сделанные

во время двух моих беременностей. Беременные же француженки ходят на уроки макияжа и одеваются в стиле последних модных тенденций.

Не уверена, что мне захочется выслушивать советы по стилю одежды от человека, родившегося до изобретения коротковолновых радиоприемников, беременна я или нет. Но мадам Перно – другое дело! Одно то, что она включила подобные советы в книгу для беременных, в значительной степени сняло ощущение тревоги и давления, столь свойственное всем американским беременным.

Я обнаружила, что беременность во Франции имеет и другие преимущества. Больше всего мне понравилось, что после родов французские женщины имеют право на десять бесплатных сеансов «тазовой реабилитации», а также на курс абдоминальной терапии, проводимый на дому. Благодаря этому живот женщины быстро приходит в нормальное состояние.

Да, во Франции к беременным относятся очень серьезно. Моей американской подруге Рамоне посчастливилось во время беременности переехать во Францию. Когда она начала общаться с французскими женщинами, они постоянно укоряли ее, что она не использует тех свобод, которые несет с собой беременность. Они считали, что Рамоне нужно спокойнее и шире «разыгрывать беременную карту».

В первый раз она столкнулась с этим, встав в очередь в примерочную в парижском универмаге. Пожилая женщина укорила ее: «Зачем вы стоите в очереди? Вы же беременны! Вы должны идти первой! Это ваше право! Таков закон!» Только тогда Рамона поняла, что француженки действительно хотят, чтобы она прошла без очереди, а ведя себя как обычный человек, она нарушает правила, установленные для всех.

Может быть, дело в переполненных химией продуктах или в гормонах, но с американским мозгом в момент вступления в родительство происходит нечто странное. Нас тянет к приобретению чего-то нового, нового и нового.

Не стоит и говорить, что Рамона подчинилась французским обычаям с восторгом. Она с энтузиазмом написала мне: «ЭТО КЛАССНО! Мне осталось всего четыре месяца этого счастья, и, черт побери, я использую каждую минуту! Мне позволили взять в примерочную двенадцать предметов, хотя ограничение – семь, мне предоставили просторную примерочную! И мне было плевать на всех худышек, ПОТОМУ ЧТО Я ТАКАЯ!!!»

А что же происходит в Нью-Йорке? Я сама страдала в метро, потому что никто не собирался уступать мне место. Помню, как проклинала все человечество, когда возвращалась домой из офиса и могла мечтать только о том, чтобы сесть и выжить (то есть справиться с тошнотой). Мое состояние было заметно всем вокруг. Я была абсолютно зеленого цвета. Но никто не посмотрел на меня и не заметил, что мои глаза уже налились слезами. И никто не уступил мне места! Я думала, что люди ведут себя так только в городе Большого Яблока, но мои подруги из Техаса, Северной Каролины и других штатов жаловались на то же самое. *Никому не было дела до их состояния!*

Для многих американцев главное событие беременности – это праздник в честь будущего рождения ребенка. Наконец-то будущая мать получает полезные вещи! И подарки! И ей нужно принимать гостей – вау! А вот французам это вовсе не нравится.

Расскажу вам о моей подруге Джесси. Она родилась во Франции, выросла в Калифорнии и, став взрослой, вернулась во Францию. Забеременев первым ребенком, Джесси стала расспрашивать своих французских друзей об устройстве подобной вечеринки – но ей сказали, что так можно «сглазить ребенка». Французы считают такое поведение признаком дурного вкуса и не считают нужным делать подарки еще не родившемуся ребенку. Возможно, из-за этого список всего необходимого новорожденному во Франции гораздо короче и не

повергает будущих матерей в депрессию, как это часто случается в Штатах. Во Франции такой список включает в себя меньше пунктов, чем мой список покупок на неделю.

Когда моя подруга начала общаться с французскими женщинами, они постоянно укоряли ее, что она не использует тех свобод, которые несет с собой беременность. Они считали, что Рамоне нужно спокойнее и шире «разыгрывать беременную карту».

Когда я увидела список всего необходимого для беременной, мне показалось, что я очутилась под кузнечным прессом. Помню, что мне пришлось прибегнуть к техникам борьбы с паническими приступами, чтобы хоть как-то взять себя в руки.

Чтобы подготовиться к рождению ребенка, мне явно нужна была еще одна дополнительная комната в доме. Я твердила себе, что не собираюсь поддаваться давлению, но в конце концов у меня оказалось три коляски (одна – высококачественная, вторая – складная для прогулок и еще одна для пробежек), детская кроватка, переносная кроватка, набор погремушек, качалка, качели, игровой коврик, качели для дверного проема, два монитора для дистанционного слежения за ребенком (в моей квартире нет лестниц!), слинг, сборная игровая площадка (чтобы расшифровать все инструкции по ее сборке, нужно иметь ученую степень!), не меньше семнадцати одеял и даже подогреватель влажных салфеток.

Если вам посчастливилось не знать, что это такое, объясню: это устройство размером с кирпич, задача которого заключается в том, чтобы подогревать влажные детские салфетки до нужной температуры – ребенок не должен ощущать ни малейшего дискомфорта. Это устройство – лучшее доказательство того, что пространство для инноваций безгранично. Вопрос лишь в том, нужны ли подобные инновации.

Может быть, дело в переполненных химией продуктах или в гормонах, но с американским мозгом в момент вступления в родительство происходит нечто странное. Нас тянет к приобретению чего-то нового, нового и нового.

Возьмите моего младшего брата. Он – один из самых экономных людей на земле. Целых пять лет у них с женой был один мобильный телефон на двоих! Нет, они не стеснены в средствах – я вас умоляю! Просто мой брат не любит бессмысленных трат – он экономит воду, деньги и средства телекоммуникации. (Думаю, что у него до сих пор всего две пары ботинок – на зиму и на лето – и еще шлепанцы для дома.) Он экономен во всем – был, пока его жена не забеременела. Узнав, что мой экономный младший брат только что приобрел коляску за шестьсот долларов, я не смогла сдержать крика удивления! Даже самые стойкие из нас в преддверии родов теряют голову. А после родов ее не находят, даже теряют последние остатки разума.

Помня о том, что французский список гораздо скромнее американского, давайте посмотрим на то, что советуют приобрести молодой американской матери. Если вы уже прошли через эту пытку, то хочу извиниться за то, что могу вызвать у вас посттравматический стресс. Ну хорошо, если вы еще не сидите, то сядьте. Возьмите бутерброд. Подложите под спину подушку. Словом, устройтесь поудобнее. Вот наш список.

- Молокоотсос
- Бутылочки для хранения сцеженного грудного молока
- 3 одеяла разных размеров
- Автомобильное сиденье
- Дополнительное сиденье, если у вас не одна машина
- Прогулочная коляска, на которую можно устанавливать автомобильное сиденье
- Переносная кроватка-корзинка

- Манеж со встроенной кроваткой
- Простынки для манежа, которые по размеру отличаются от простынок для кроватки
- Слинг
- Переноска-кенгуру
- Качалка
- Детский шезлонг
- Ванночка
- Сумка для подгузников
- Маленькая подушечка
- Монитор для слежения за ребенком
- Кроватка
- Матрас для кроватки, продается отдельно
- Набор простынок для кроватки, 3 штуки
- Подушки для кроватки
- Устройство для подвешивания игрушек над кроваткой
- Устройство для подвешивания игрушек над пеленальным столиком
- Дополнительная подушечка для пеленания
- Наволочки для дополнительной подушечки
- 2 пушистых банных полотенца
- Шторки для автомобиля
- Устройство для сушки бутылочек
- Стойка для бутылочек
- Массажер
- Пеленальный столик и шкафчик для принадлежностей
- Одежда новорожденного:
 - 2–4 распашонки
 - 4–8 костюмчиков
 - 4–8 маечек
 - 4–8 пижамок
 - 2 одеяльца
 - 1–3 кофточки
 - 1–3 комбинезончика
 - 4–7 пар носочков
 - 4–6 шапочек
 - Перчатки
 - Курточка или теплый комбинезончик
- Игрушки
- Ножницы для ногтей
- Термометр
- Пеленки
- Салфетки
- Лекарства: детский тайленол и т. п.
- Термометр для воды
- Детский шампунь и детское мыло
- Присыпка
- Соски
- Большие салфетки
- Прокладки для груди

- Крем для сосков
- Подгузники для новорожденных – одна упаковка, потому что ребенок может оказаться крупным и ему быстро понадобятся другие!
- Подгузники следующего размера
- Ведро для использованных подгузников
- Мешки для ведра
- Услуга по доставке и уборке подгузников
- Антибактериальные салфетки
- Устройство для подогрева антибактериальных салфеток
- Детское питание
- Контейнер для детского питания
- Щетка для мытья бутылочек
- Бутылочки двух размеров (на 4 унции и 8 унций)
- Высокий стул или стул для кормления
- Стул для кормления в автомобиле
- Прогулочная коляска (когда ребенок научится сидеть)
- Миски и ложки для кормления
- Слюнявчики
- Стол для игр
- Прыгунки для манежа

Клянусь, что это еще не все, а лишь то, что я смогла вспомнить. Я не хотела полагаться исключительно на собственные воспоминания, поэтому поговорила со своими подругами из разных уголков страны. И, несмотря на это, список наш далеко не полон. Я не стала перечислять все игрушки и ограничила список лекарств и необходимых услуг – у меня еще сохранилась гордость за свой народ! Но общее представление вы уже получили. Мы – одержимые!

Я не собираюсь утверждать, что чем меньше, тем лучше, потому что это – меньше. Я просто хочу сказать, что меньше тоже может быть очень хорошо.

Если вы – нормальный человек и располагаете нормальным количеством свободного времени, не пытайтесь составить список всего необходимого для ребенка с помощью Интернета. В Сети вы найдете бесчисленное множество сайтов, на которых окончательно запутавшимся молодым матерям и отцам даются категоричные советы о том, что они должны включить в список необходимого. На тех же сайтах несчастные будущие родители пытаются разобраться, удалось ли им выбрать лучшие бутылочки, лучшие ткани, самое экологически чистое детское питание и самые развивающие игрушки.

Изучение подобных сайтов – дело утомительное и никому не нужное. Беременность и без того непростое время, так мы еще и отягощаем себя переживаниями по поводу того, что не успели купить нечто жизненно необходимое. Конечно, когда семья увеличивается, список покупок расширяется. Но составлять такой список нужно в атмосфере радости и спокойствия, а не в состоянии, близком к панике.

Моя подруга Валери из Бретани рассказала мне, что французские матери во многом полагаются на правительство, которое делает период беременности не только спокойным, но почти приятным (может быть, каким-то американским мамочкам и нравится быть беременными – но только не мне).

Валери говорила: «Очень важно чувствовать, что правительство заботится о людях. Всем беременным женщинам государство начинает выплачивать субсидию в размере 150 евро в месяц, с четвертого месяца, при условии, что они раз в месяц посещают врача (ведение беременности, роды и пребывание в больнице в течение недели после родов абсолютно бесплатны).

Эту субсидию женщины получают до восемнадцати лет ребенка (если это не первый ребенок) вне зависимости от материального положения. Они получают также шестнадцатинедельный оплачиваемый отпуск при рождении первого ребенка и более продолжительный при рождении второго и последующих.

У меня двое детей, им четырнадцать и семнадцать лет, но я все еще получаю «семейный бонус». Поэтому мы не испытываем необходимости в устройстве вечеринки до рождения ребенка».

Touché!

В 2008 году, когда Брэд Питт и Анджелина Джоли приобрели великолепный замок Мираваль на юге Франции, они сразу же подпали под действие этой программы, поскольку она относится ко всем семьям вне зависимости от дохода. Вот что пишут об этом на сайте bittenandbound.com:

Хотя Брэд и Анджелина вряд ли будут обналичивать эти суммы, по закону им причитаются «деньги на няню» – 975,84 доллара ежемесячно и еще «пособие на сирот» – 508,97 на каждого из троих усыновленных детей. Каждый месяц Брэд и Анджелина могут получать от французского правительства 2592,81 доллара.

Мало того что у Брэда Питта есть замок, так еще и Энджи будет получать пособие на няню! Супер!

В атмосфере всеобщей тревоги, царящей в Соединенных Штатах, неудивительно, что мы, американцы, относимся к рождению детей с чрезмерным трепетом.

Признаюсь, что сама я была в настоящем ужасе. Легкое недержание мочи я приписывала не только лишнему весу и давлению на мочевой пузырь. Мне казалось, что я что-то делаю не так! *А вдруг мы забудем взять с собой план родов? Что, если меня решат обезболить? Что, если меня решат не обезбаливать? Не следует ли рожать в воде? Но если я буду рожать в воде, то не утонет ли ребенок?* Тревоги были бесконечны. И добавьте к этому мучительные размышления о том, что произойдет, когда ребенок родится. Все это лишает будущих матерей (и меня в их числе) энергии и сил.

Такая повышенная тревожность заставляет многих американских молодых матерей составлять «инструкции» для родных и друзей по поведению в первые дни после рождения ребенка.

Я нашла один блог, в котором все было расписано невероятно подробно. Будущая мать описала все – от использования антибактериального мыла до слов, какие можно говорить младенцу и матери. Я не верила своим глазам! Несчастливая будущая мать уже за несколько недель до рождения ребенка страдала от трещин на сосках – и я не уверена, что крем для сосков сможет залечить ее раны (хотя она явно закупила несколько тюбиков – он включен во все списки!). Беспокоясь обо всем – от бактерий и необходимости обнажать грудь до того факта, что в будущем эмоционально нестабильном состоянии собственный ребенок может показаться ей страшным, – эта женщина заранее лишила себя всех радостей.

Позвольте мне снова вернуться к моей подруге Перно. В книге *«Я жду ребенка»* она советует миллионам французских матерей не обсуждать рождение ребенка с подругами, у которых уже есть дети, а ограничиться лишь беседами с врачом. Хотя я не совсем с ней в этом согласна, но здравый смысл в подобном предложении есть.

Иногда меня беспокоило то, что подруги моей матери и я сама часто пугали друг друга. Например, в какой-то момент я была в полном ужасе из-за того, что у Уны возникли проблемы с периферическим зрением, потому что в младенчестве она терпеть не могла, когда ее клали на животик. Я посоветовалась с подругой, она рассказала мне о том, что читала сама, и благополучно довела меня до нервного срыва.

Успокоила меня только книга доктора Коэна. Он писал о том, что младенцы не любят лежать на животике, а предпочитают лежать на спинке. Очень спокойно доктор Коэн пишет: «Поскольку у вас нет необходимости развивать какие-то конкретные группы мышц, я советую вам не вести себя, как личный тренер *Люси* [так доктор Коэн называет всех младенцев женского пола]. Не кладите ее на животик, а просто пощекочите, чтобы у девочки развивались мышцы смеха». Поверьте, такой совет куда лучше страшилок, доводящих молодую мать до бессонницы!

Говоря об ужасниках, я хочу вспомнить колоссальную индустрию, зародившуюся на спекуляциях с использованием пуповинной крови. Сегодня ее доходы исчисляются 250 миллионами долларов! Не закрывайте глаза на проблему!

Я нашла один блог, в котором все было расписано невероятно подробно. Будущая мать описала все – от использования антибактериального мыла до слов, какие можно говорить младенцу и матери. Беспокоясь обо всем, эта женщина заранее лишила себя всех радостей.

Как только я объявила о своей беременности, то сразу же стала получать буклеты и электронные письма с предложением сохранения пуповинной крови. Куда бы я ни посмотрела, меня со всех сторон бомбардировали информацией банки крови. Маркетинговая кампания велась очень агрессивно. Мне сообщали, что если я не сохраню пуповинную кровь своих детей, то со временем кто-то из них непременно заболеет каким-то кошмарным заболеванием, излечить которое смогла бы только та самая кровь, от хранения которой я легкомысленно отказалась.

Эти сообщения были пронизаны чувствами страха и вины. Читать их, не испытывая подлинного ужаса, было невозможно. Мне следовало быть умнее, но я не могла. Мое финансовое положение не позволяло мне пойти на такой шаг, но я чувствовала себя ужасной матерью, настоящим чудовищем, из-за того, что не решилась сохранить пуповинную кровь моего невинного младенца.

Каждый раз при виде рекламы услуг по хранению пуповинной крови меня охватывала паника – я представляла себе болезни, которые могут выявиться у моего ребенка. Лейкемия. Полиомиелит. Подагра. Геморрой. Косолапость... Назовите любую – и вас охватит страх. В конце концов, мы так и не решились пойти на столь значительные траты. Когда ко мне приходили беременные подруги и бились в истерику из-за проблемы с сохранением пуповинной крови, я не знала, что им сказать, – до тех пор, пока не узнала, что во Франции частные услуги по хранению пуповинной крови являются незаконными, и беременные француженки этим вопросом даже не заморачиваются.

Французы считают пуповинную кровь национальным достоянием. Поэтому родителей всячески стимулируют к тому, чтобы они жертвовали пуповинную кровь своих младенцев в общественные банки крови прямо при родах (кстати, у нас такие банки тоже существуют). Но до сих пор неясно, насколько эффективны могут быть клетки пуповинной крови для лечения возникающих впоследствии заболеваний. Во многих случаях собственные клетки ребенка являются последним средством, используемым в лечении.

Если бы я больше общалась с французами во время беременности, то гораздо спокойнее отнеслась бы к этой проблеме. Мои французские подруги на все смотрели философски. Как бы мне хотелось вернуться в прошлое и прожить его по-французски! Я бы не отказывала себе в обожаемом сыре грюйер (мадам Перно настоятельно рекомендует этот деликатес беременным женщинам!), а сегодня не гонялась бы в поисках бюстгальтеров «пуш-ап».

Глава 3

VOUS ETES LE CHEF, или Кто в доме главный

Полагаю, вы уже задумались: если французы настолько спокойны, то почему же их дети так послушны?

Да, в Бруклине маленькие французы ведут себя идеально. Но и у себя на родине они безупречны! Во время одной из моих последних поездок в Париж я снова была поражена тем, что мне приходится их искать (чтобы изучить!), потому что маленьких французов хорошо видно, но совсем не слышно. Я входила в тихие поезда метро и с изумлением обнаруживала в них множество детей. Они просто сидели – не хныкали, не требовали игрушек или сладостей. Просто сидели. То же самое происходило в музеях.

Каждый раз, когда я становилась свидетельницей истерики, виновником ее оказывался крохотный турист, а не маленький француз. Я думала, что в супермаркетах-то все будет иначе: ну какой ребенок сможет устоять перед соблазном полок, заставленных всякими вкусностями? Ответ прост: французский ребенок! А в ресторанах? Меня окружала целая армия маленьких, любопытных, но идеально воспитанных детей. Мне хотелось горло перегрызть их счастливым, спокойным родителям!

Как же они этого добиваются? Как французским родителям удастся так хорошо воспитывать своих детей?

Ну какой ребенок сможет устоять перед соблазном полок, заставленных всякими вкусностями? Ответ прост: французский ребенок! А в ресторанах? Меня окружала целая армия маленьких, любопытных, но идеально воспитанных детей. Мне хотелось горло перегрызть их счастливым, спокойным родителям!

Ответы на эти вопросы непросты, но самую важную роль играет родительское отношение к детской психологии. Например, многие французские родители говорили мне, что такого понятия, как *кризис двухлетнего возраста*, в их стране просто не существует⁴. И это заставляет меня задуматься, а существует ли он в действительности, хотя мы, американские родители, абсолютно в этом убеждены.

Да-да, вы не ошиблись: ВО ФРАНЦИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ КРИЗИСА ДВУХЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА! Когда я впервые это услышала, то подумала, что моя французская собеседница просто плохо информирована. Но потом я слышала это снова и снова. Мне даже приходилось объяснять, о чем я спрашиваю. Мой друг Поль был крайне озадачен, когда я объяснила ему смысл сказанного: «Правда? У ваших детей есть такие проблемы? Я никогда ни о чем подобном не слышал!» Должна признаться: Поль сказал это, когда пёк персиковый пирог с моими детьми.

Я еще до родов была хорошо осведомлена об этом периоде, потому что о его неизбежности говорилось практически в каждой прочитанной мной книге. В некоторых этот «этап развития» объяснялся с научной точки зрения. Даже мой собственный свекор, психиатр, буквально одержимый работой мозга, расстроил меня рассказом о «химической промывке моз-

⁴ Действительно, в современной психологии возраст двух лет не считается кризисным. Один из наиболее острых кризисов развития ребенок переживает в три года – в этом возрасте малыш начинает осознавать себя самостоятельной личностью.

гов», которая произойдет с моей сладкой девочкой, когда она вступит в третий год своей жизни, и ее мозг подвергнется воздействию гормональных выбросов и начнет формировать новые нервные связи. Не могу сказать, что я в точности понимала, о чем он говорит, но смысл всего сказанного было один: *мне нужно бояться*. Сильно бояться.

Поэтому, когда Дафна и Уна превратились в двухлетних бандиток, я приписала их поведение неизбежному кризису. Ну кто я такая, чтобы бороться с природой? Нужно просто потерпеть – по крайней мере, я так считала. Оглядываясь назад, я понимаю, что тем самым обрекла себя на кризис трехлетнего возраста и кризис возраста четырехлетнего, которых мне никто не обещал.

Но вернемся к «непростому» ответу. В воспитании детей французы по-прежнему полагаются на помощь родственников. Я обнаружила, что молодые французские родители чаще обращаются к собственным родителям, бабушкам и дедушкам, чем к книгам и интернет-сайтам, как это делаем мы. Родственники часто живут поблизости и играют важную роль в воспитании малышей. Даже в глухой провинции французы менее склонны к переездам, чем мы, коренные американцы.

Друг моей подруги, Саймон, живет в Вогезах на северо-востоке Франции – то есть в полной глухомани. Хотя он – англичанин, во Франции он поселился несколько десятков лет назад, женился на француженке. У него есть дочь. Саймон заметил, что жители его деревни предпочитают не расставаться со своими семьями. «Вот уже восемь лет у меня один и тот же почтальон», – удивляется Саймон. Он тоже сказал мне, что не помнит, когда кто-нибудь из детей устроил бы истерику – «за исключением поездок в Англию, разумеется». И это не перестает меня поражать.

Америка – страна независимых предпринимателей. Мы не боимся ничего менять и смело меняем работу, любовь, мечты. Мы часто уезжаем на противоположный конец страны (возьмите, к примеру, меня: я выросла в Калифорнии и уже пятнадцать лет живу в Нью-Йорке). *Одна из причин высокой популярности материнских групп и материнских блогов в нашей стране заключается в том, что мы используем их вместо семейной поддержки*. Но такие сайты вовсе не вдохновляют французских родителей. И результаты разного подхода видны невооруженным глазом.

Я помню, как советовала своей сестре, которая жила в трех тысячах миль от меня, выйти из группы, куда она записалась после рождения первого сына. Мне было очевидно, что после каждого собрания этой группы она начинала звонить мне с очередными вопросами и тревогами. Вместо того, чтобы поддерживать друг друга, члены этой группы искали все новые поводы для беспокойства. Конечно, не все подобные группы так воздействуют на своих членов, но во Франции их вообще не создают.

Мой собственный муж пытался уговорить меня не рыться в блогах, потому что видел, что они влияют на меня точно так же. После двух часов, проведенных в Интернете, я разбудила мужа посреди ночи в полной панике: я убедила себя, что у одной из наших дочерей рак кишечника! На самом деле у нее просто появились глисты.

В воспитании детей французы по-прежнему полагаются на помощь родственников. Я обнаружила, что молодые французские родители чаще обращаются к собственным родителям, бабушкам и дедушкам, чем к книгам и интернет-сайтам, как это делаем мы.

Когда французы ищут решения конкретной проблемы, они советуются с кем-то одним, а не с десятком друзей, подруг и собеседников по чатам. И это заметно снижает уровень тревожности – и творит чудеса! К сожалению, нам, американцам, такой подход недоступен.

Когда я пыталась выяснить, где же французы находят решения поведенческих проблем своих детей, смысл их ответов терялся при переводе.

Я: А вот интересно, что вы делаете, когда ваш ребенок устраивает истерику в кондитерской?

Вероника (французская мать): Что вы хотите сказать? Мой ребенок поранился? Зачем ему устраивать истерику?

Я: Ну не знаю... По любой причине... Вы не купили ему конфет, ему хочется самому катить тележку – или что-то в этом роде...

Вероника: Гмм... Не понимаю, что вы хотите сказать... Он поранился тележкой и поэтому плачет?

Я: Нет, он плачет, потому что не получил того, что хотел!

Вероника: В кондитерской? Нет, это невозможно. Ребенок так не поступит. Французам это не нравится.

Французам это не нравится? Мне тоже не нравится!

К сожалению, я не всегда могла найти французское решение проблем поведения моих собственных детей, потому что многие их поступки во Франции просто не встречаются. Главное – слушайте меня внимательно все те, кто собирается завести детей или имеет малышей, – с самого начала установить правильные отношения со своими детьми.

Запомните: ВЫ – ГЛАВНЫЙ!!!

Когда я вспоминаю собственное поведение, то понимаю, что главная причина, по которой мне не удавалось призывать детей к дисциплине, – это мое *нежелание подавлять их восхитительную, неповторимую личность*. Я не хотела подавлять их индивидуальность.

Это очень американский подход, и у него есть свои положительные стороны, но мы ухитрились даже все хорошее довести до крайности.

Во Франции у всех членов семьи есть свои роли. Родители – главные, дети подчиняются главным. Французские дети растут в этом убеждении, поэтому в семьях нет споров и сопротивления. Вспомните мою подругу, о которой я рассказывала вам в предыдущей главе. Ее осудили за то, что она не заняла положенного ей по праву места в начале очереди – «Это закон!». Нарушение правил – вот что заслуживает осуждения.

Французские дети понимают, что подчинение взрослым – это правило, и нарушать его нельзя. С того момента, как мне это объяснили, я стала руководствоваться этим принципом в отношениях с собственными дочерьми. Поверьте, очень приятно говорить: «Ты сейчас же сядешь в машину и пристегнешься, потому что я – главная и я так говорю!»

Безумие? Но это работает! Сначала я боялась, что девочки будут обижаться на такое явное проявление власти и жесткий подход, но все оказалось иначе. Они так устали от бесконечных споров по любому поводу (я же приучила их считать, что их мнение по любому вопросу крайне важно!), что почувствовали настоящее облегчение от того, что кто-то принял на себя роль главного.

Мне нравится быть главной, но, чтобы реализовать это право в полной мере, мне приходится быть более строгой, а это дается мне нелегко. Я никогда не умела отказывать собственным детям. Я всегда тяготела к такому стилю родительства, когда с детьми разговаривают, обсуждают, уважают их чувства и точку зрения.

Во Франции у всех членов семьи есть свои роли. Родители – главные, дети подчиняются главным. Французские дети растут в этом убеждении, поэтому в семьях нет споров и сопротивления.

Имея двух дочерей, я всегда мечтала, что мы втроем образуем небольшой, счастливый кружок, а когда они вырастут, будем вместе ходить в кафе и делиться самым сокровен-

ным. Как в фильме Норы Эфрон. Глупо, я понимаю, но как хорошо звучит! Я действительно хотела нравиться своим дочерям. Теперь я вижу, что *французские матери, которые гораздо строже американских, намного чаще сохраняют прекрасные отношения со своими взрослыми дочерьми.*

Возможно, это связано с тем, что родители сохраняют достоинство в глазах детей – они же не стараются заслужить детскую любовь любой ценой. Французская мать объяснила мне это так: «Ваша работа не в том, чтобы быть им другом. С детьми это не работает. Вы должны быть их матерью и хорошо их воспитывать. Мне бы хотелось целый день держать своего ребенка на руках, но я знаю, что это не пойдет ему на пользу».

Я целыми днями держала на руках Дафну, радуясь тому, что снижаю вероятность ее превращения в серийного убийцу! Конечно, я читала книгу Уильяма Сирса, поэтому стремилась не только к тому, чтобы не вырастить убийцу. Я надеялась, что мои дети станут более уверенными в себе и умными, чем дети тех бессердечных родителей, которые не держат их на руках. Мне будет легко воспитывать своих детей, они будут относиться ко мне с уважением, у них будет множество замечательных качеств.

«Ваша работа не в том, чтобы быть детям другом. С ними это не работает. Вы должны быть матерью и хорошо их воспитывать».

Может быть, причина была в другом, но я понимаю, что бесконечное внимание и силы, потраченные на моих девочек в юном возрасте, привели лишь к одному: мои дети выросли капризными и чрезмерно требовательными (а мои нервы натянулись до предела). Практически каждая французская мать, с которой я беседовала, говорила мне, что строгая дисциплина и самообладание – это и есть истинное проявление любви.

Большинство французских родителей, с которыми я разговаривала, говорили, что практически не читали книг по воспитанию. Однако многие из них брали в руки книги врача и психоаналитика Франсуазы Дольто. Дольто работала с Жаком Лаканом⁵. Главная ее идея – у детей должна быть собственная жизнь, отдельная от родителей. Аллилуйя!

Недавно к нам приехала двоюродная сестра моего мужа. Единственное, чего мне хотелось в тот период, так это свободы от детей, чтобы хоть немного пообщаться с родственниками. Но милая Дафна никак не хотела вести себя по-французски, и взрослые могли по-человечески поговорить, лишь когда я укладывала ее спать. К сожалению, никто другой уложить ее не мог, поэтому самую суть беседы я неизменно упускала.

Слишком многие американские дети – и мои, естественно, в том числе – привыкли думать, что каждое их слово и каждый поступок драгоценны и заслуживают всеобщего внимания. Один французский отец объяснил мне: «Там, где я родился, ребенка, родители которого терпят все, что он говорит и делает, называют *l'enfant roi* – дитя-король. Лично мне такой ребенок кажется испорченным баловником. Впрочем, его вины в том, что родители относятся к нему, как к королю, нет».

Я хотела вырастить своих девочек уверенными в себе, хотела развить в них здоровую самооценку, поэтому постоянно подчеркивала, как я ценю их достижения. Но они стали думать, что любой их поступок заслуживает восхищения, – и поэтому весь вечер бегали по гостиной со своими игрушками. У меня оказалась пара неугомонных девчонок, которые не умели сидеть и принимать участие в разговоре, не становясь его центром.

Бесконечное внимание и силы, потраченные на моих девочек в юном возрасте, привели лишь к одному: мои дети выросли капризными и чрезмерно требовательными. Практически каждая французская мать,

⁵ Французский философ и психиатр, один из самых влиятельных деятелей психоанализа.

с которой я беседовала, говорила мне, что строгая дисциплина и самообладание – это и есть истинное проявление любви.

Я очень их люблю, но не вижу ничего особенного в том, чтобы запихнуть двух медвежат под платье и бегать с ними. И я хочу, чтобы мои дети это знали. Может быть, в будущем, когда в моих детях разовьется артистический талант, это выльется в нечто большее. Но пока что мои девочки видели со стороны взрослых только одобрение и внимание, поэтому полагали, что могут вести себя, как им захочется. Со временем мы начали работать над этим и добились успеха – особенно с Уной.

К сожалению, не могу сказать того же обо всех моих друзьях. Я содрогаюсь при одном лишь воспоминании о летней вечеринке в доме моей близкой подруги Бонни на Манхэттене. Восемилетняя дочка Бонни, Белла, задумала особую игру. Поэтому перед вечеринкой мать и дочь разослали всем гостям электронные письма с просьбой принести нечто особенное и придумать историю, связанную с этим предметом.

Хотя подобная идея не казалась мне очень французской, но, в конце концов, живем-то мы не во Франции. Поэтому мы с мужем подчинились.

Вечеринка удалась на славу. Особенно всем понравился великолепный вид на реку Гудзон с просторного балкона двадцать восьмого этажа – Бонни крупно повезло с квартирой. И вот, когда все взрослые устроились на балконе с бокалами вина, а дети спокойно играли в комнате, появилась Белла и заявила, что пора играть в ее игру. Невозможно было найти время хуже – взрослые хотели любоваться великолепным видом за бокалом «совиньон блан» и наслаждаться спокойной беседой.

Бонни попыталась уговорить Беллу отложить задуманную игру. Она сказала, что мы можем поиграть через полчаса. Началась истерика. Потом Бонни сказала, что мы будем играть, когда все допьют вино. Новая истерика. Уговорить девочку отказаться от ее планов никак не удавалось. Бонни уговаривала, умоляла – но все тщетно. В конце концов она сдалась: «Хорошо, дорогая, иди собери детей, позови их сюда, и мы поиграем». Но и это не удалось. Белла потребовала, чтобы игра проходила в гостиной. Восемь родителей покорно, но недовольно покинули свой рай на балконе, перебрались в душную гостиную и подчинились воле ребенка. Начались новые проблемы. Бонни и Белла о чем-то переговаривались, а все гости сидели кружком и молчали. Все чувствовали себя очень неловко.

Как бы мне хотелось, чтобы Бонни набралась смелости и сказала: «Не сейчас, Белла. Я позову тебя, когда подойдет время». Ей нужно было показать, кто в семье главный.

Все это время я думала, как поступила бы в такой ситуации французская мать, и очень хорошо себе это представляла. Как бы мне хотелось, чтобы Бонни набралась смелости и сказала: «Не сейчас, Белла. Я позову тебя, когда подойдет время». Ей нужно было показать, кто в семье главный.

Конечно, сначала это будет нелегко – особенно с ребенком, который уже давно привык быть главным. Мы все еще работаем с Дафной, а вот с Уной добились полного успеха. Я постоянно объясняю Дафне (очень мягко, ведь я же, в конце концов, американка!), что не могу уделять ей все двадцать четыре часа семь дней в неделю. Не могу даже двенадцать. И она не должна постоянно требовать внимания взрослых людей.

Через какое-то время я заметила реальные перемены. Дафна изменилась! И теперь, когда к нам вечерами приходят гости, я позволяю девочкам сидеть с нами дольше и участвовать в разговорах – но только до тех пор, пока они ведут себя как члены группы и не требуют безраздельного внимания к себе. Как только они об этом забывают, я отправляю их

спать. Дафна все еще выдерживает недолго, и ей приходится идти по длинному, одинокому коридору в постель. А вот старшая ее сестра справляется гораздо лучше. Она сидит с нами, пока ей не надоедает. И тогда она сама отправляется в свою спальню.

Вот небольшая выдержка из электронного письма о социальном поведении детей, которое я получила от Рамоны, которая уже несколько десятилетий живет на западном побережье Франции. Полагаю, вы запомнили ее по предыдущей главе:

Детей никогда не исключают. Не бывает ужинов или праздников, например свадеб, в которых не принимали бы участие дети. Они сидят за столом со взрослыми, едят взрослую еду вилкой и ножом (супы, салаты, все эти вонючие сыры...) – и им это нравится! Взрослые относятся к ним с уважением, все их любят и балуют, но от них ждут абсолютного послушания. Ни один из взрослых не задумается над тем, можно ли сделать замечание чужому ребенку. В особые дни, например, в Рождество или Новый год, дети засиживаются допоздна. А когда устают, то могут прилечь и уснуть прямо на диване. Сколько я здесь живу, ни разу не видела ни одной истерики!

Не тратьте энергию на зависть – ни к чему хорошему это не приведет. Просто учитесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.